

Михаил Викторович ШИЛОВСКИЙ

**ПОЕЗДКА В СИБИРЬ П.А. СТОЛЫПИНА и А.В. КРИВОШЕИНА 1910 г.:
ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕРСПЕКТИВ
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ**

д-р ист. наук
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
e-mail: istorik.novosib@gmail.com

В статье анализируются предложения, сформулированные П.А. Столыпиным и А.В. Кривошеиным по итогам их поездки в Сибирь в 1910 г. с точки зрения дальнейшего осуществления аграрных преобразований в регионе.

Ключевые слова: переселения, землеустройство, частная собственность на землю.

Как известно, указ от 9 ноября 1906 г. на дореволюционную Сибирь не распространялся, поскольку собственником земли здесь являлось государство, Сибирское казачье войско и Кабинет его императорского величества (КИВ). Местные крестьяне выступали в качестве постоянных пользователей земельных наделов, закрепленных за ними «раз и навсегда» на основе применяемого в российской правовой системе принципа «отдельного от собственности владения». Поэтому для региона решающее значение имели другие элементы реформы – переселение и землеустройство. В целом ее переселенческую составляющую современные исследователи оценивают положительно [1, с. 291; 2, с. 13; 3, с. 56].

В данной публикации я попытаюсь оценить основные параметры переселенческой эпопеи 1906–1910 гг. самими реформаторами на основании подготовленной П.А. Столыпиным и начальником Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) Министерства земледелия и государственных имуществ А.В. Кривошеиным пространной записки по результатам их служебной поездки в Сибирь в августе–сентябре 1910 г. [4]¹

, оценить степень достоверности предложенной ими информации и судьбу сформулированных предложений. Всего за 10 суток, по собственным подсчетам, министры в сопровождении начальника Переселенческого управления ГУЗиЗа тайного советника Г.В. Глинка побывали в шести уездах Тобольской, Томской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей. Здесь «мы, сделав более 800 верст на лошадях в сторону от железной дороги и водного пути, видели несколько районов, весьма различных по условиям заселения» (с. 3).

Следует заметить, что в 1910 г. произошло обвальное падение числа переселившихся в Сибирь (с 619,3 тыс. чел. в 1909 г. до 316,1 тыс. чел.) при существенном увеличении (с 13,3 до 36,3 %) количества вернувшихся домой [5, с. 231]. Причем местные наблюдатели, анализируя ситуацию «благополучного» 1909 г., уже в начале 1910 г. прогнозировали провал, «который может привести к печальным последствиям, как [для] переселенцев, так и сибирских старожилов»²

. Спад миграционного потока происходил в условиях существенного увеличения бюджетного финансирования переселений и расширения государственной помощи новоселам. Достаточно сказать, что ассигнования Переселенческому управлению в 1910 г. по сравнению с 1909 г. увеличились с 23 млн до 24,9 млн руб. [6, с. 137].

Признавая факт снижения переселенческого потока, высокопоставленные чиновники, тем не менее, давали сугубо положительную оценку переселенческой политике правительства. В интервью английскому журналисту П.А. Столыпин заявил: «Мы видели сотни переселенцев. Мы спрашивали всех тех, которые недовольны своей жизненной обстановкой, заявить нам об этом, и таковым будут даны бесплатные билеты на обратный проезд в Россию. И что вы думаете? Всего нашлось двое старых вдов... Таким образом, вы видите, что речи о бегстве переселенцев из Сибири не может быть. Меня поразил тип сибирского переселенца. Он, по-видимому, заразился демократическим духом коренных сибиряков»³

Всего за 1896–1909 гг., по приводимым в записке сведениям, «прошло в Сибирь в прямом направлении... около трех миллионов семейных переселенцев (2 841 602 души), назад вернулось за то же время 300 тысяч (301 046). Это составляет 10,6 %. Почти 90 %, следовательно, остались в Сибири». Причем почти 2/3 «обратных» «относятся к числу так называемых самовольных переселенцев, поехавших в Сибирь с семьями “на авось”, не заручившись предварительно землей» за счет ходачества (с. 76). Согласно специальным подсчетам, проведенным

¹ Далее ссылки на этот документ даются в тексте в круглых скобках с указанием страниц.

² *Обской*. Землеустройство и переселение в Сибирь // Сиб. жизнь (Томск). 1910. 14 янв.

³ Сибирское слово (Томск). 1911. 13 мая.

Л.Ф. Складчиковым, за 1896–1909 гг. переселилось 4 751 045 чел., в том числе 1 103 279 самовольно (21,3 % от общей совокупности) [7, с. 166–167]. Как видим, миграционный поток был на самом деле гораздо внушительнее, поэтому, учитывая степень воздействия и последствия, его можно квалифицировать как переселенческую революцию [8, с. 164].

В анализируемом документе приводятся многочисленные факты, которые должны свидетельствовать, что «в большинстве случаев переселенцам стоило перебираться в Сибирь: они находят там то, чего не имели на родине» (с. 74). Среди таковых называются: более высокая обеспеченность новоселов скотом, посевными площадями, преобладание в посевном клине пшеницы, поэтому «доходность одной десятины переселенческой пашни в Сибири достигает 50 рублей, тогда как та же доходность крестьянской наделной площади в Европейской России исчисляется в 30 рублей 55 копеек» (с. 74). Эти данные подтверждаются современными исследователями, правда, с оговоркой, что экономическое положение переселенческих дворохозяйств зависело и от времени их существования на новом месте (чем больше, тем лучше) [1, с. 280]. На примере Алтая А.А. Храмков констатировал, что новоселы «свидетельствуют своим примером если не об успехах дореволюционной переселенческой политики, то хотя бы о несомненной пользе переселений в Сибирь для крестьян. Они имели здесь больше земли, чем в Европейской России. Преодолевая огромные трудности, они успели много сделать в освоении своей местности. Однако сибирская деревня была далека от “процветания”, о котором сейчас можно прочесть. В ней имелось немало “горючего” материала, социальной напряженности и недовольства значительной части населения своим положением. Во всех изученных нами селах ядром населения являлась бедняцкая группа хозяйств» [9, с. 80].

Касаясь значения переселения за Урал, П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин четко определили главную стратегическую установку государства – преодоление колониального статуса Азиатской России, «обширной и ценной, но единственной при этом колонии Русского Государства и сохраняющей в известной степени этот характер и в настоящую минуту» (с. 55). Они подчеркивали значение этого процесса «в смысле охраны границ, подъема жизнедеятельности окраин, вовлечения в общий хозяйственный оборот страны, смягчения аграрных затруднений в Европейской России». Вместе с тем позиционировалась и цивилизационная составляющая организованной миграции: «...Но люди, живые люди, делающие в массе своей переселенческое дело, идут в Сибирь, ломая старую жизнь и строя новую, каждый в отдельности не для того, конечно, чтобы облегчить аграрные затруднения или послужить оплотом русской государственности на окраинах; их цель – выгоднее, лучше устроиться в Сибири, чем жилось им на родине. Помочь им в достижении этой непосредственной их цели, может быть, и есть лучший способ обеспечить достижение всех государственных интересов, связанных с переселением» (с. 17).

Министры касаются и актуальных проблем организации переселенческого движения. Они предлагают отменить систему организованного ходачества, изменить условия водворения переселенцев с учетом трудоемкости адаптации в различных районах, в частности, с точки зрения размеров выделяемых ссуд и порядка их погашения. Для организации агрономической помощи необходимо открывать агрономические училища, соот ветствующий факультет или отделения при томских вузах – университете или Технологическом институте, а также ветеринарный институт в Омске. Касаясь перспектив развития товарного сельскохозяйственного производства в Азиатской России, П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин выступают за постепенную отмену Челябинского тарифного перелома при условии развития в Сибири молочного животноводства (маслоде лия), коневодства, тонкорунного овцеводства. Необходимо открыть путь для сибирского хлеба в Среднюю Азию, получая в обмен хлопок. Для этого предлагалось построить южно-сибирскую железнодорожную магистраль (Уральск–Семипалатинск–Ачинск или Новониколаевск).

Кардинальное решение аграрного вопроса в регионе высокопоставленные чиновники видели «в скорейшем предоставлении сибирским старожилам, переселенцам и оседлым, окончательно устроенным инородцам прав собственности на отведенные и отводимые им обширные наделы» (с. 30), указывая, что «необходимо и в Сибири столь же твердо, как в Европейской России, стать на путь создания и укрепления частной собственности» (с. 58–59). Помимо крестьянского землевладения следует развивать и поощрять «культурные земледельческие хозяйства», предусмотренные законом от 8 июня 1901 г., а также хутора и отруба.

Ведущая роль в этом процессе должна принадлежать местной общине, которая «резко отличается и от земельной общины великорусского крестьянина Европейской России. Сибирская община под влиянием здешнего земельного простора и отсутствия главного зла общинного владения – полной переверстки тягол, под давлением фискальных требований, не дожила еще и в настоящее время до губительного “равнения” земли и периодических переделов» (с. 55). «...Все сложные земельно-правовые отношения в сибирской общине, основанные больше всего на праве захвата трудом (заимки) известного количества земли, распутываются и разрешаются без особых осложнений по установившимся на местах или принесенных с родины вековым правовым понятиями и обычаям». «И нельзя даже представить себе всех трудностей и последствий развития судебного канцелярского производства», если бы власть попыталась заменить нормами писаного права «весь труд крестьянских обществ и судов по созданию, укреплению и защите этих сложнейших, в области юриспруденции, земельных прав и интересов» (с. 56). Таким образом, предполагалось сохранить общину в сибирской деревне – в силу ее гибкости, инновационной ориентированности и умения разрешать земельные споры. Как видим, П.А. Столыпин не был решительным противником общины, как принято считать, а рассматривал ее существование, исходя из экономической целесообразности и местных условий.

Для успешного осуществления предложенного курса министры предлагали «отводить наделы старожилам и переселенцам в Сибири не в пользование, как теперь, а в собственность» и покровительствовать здесь «мелкой

единоличной собственности на землю» (с. 127). Необходимо прекратить «отводить лучшие [и] худшие земли одинаково даром» и продавать землю переселенцам в районах с лучшими природно-климатическими и почвенными условиями (Алтай, Семиречье) (с. 129). Окончательно в записке на высочайшее имя они сформулировали главное: «Принять все требуемые в порядке законодательства меры к возможности распространения на все население Азиатской России узаконений последнего времени, направленных к устранению вредных сторон общинно-земельных порядков, а для этого распространить действие закона от 14 июня 1910 г.» [10, с. 319–320].

Опираясь на свои впечатления, подкрепленные статистическими выборками и геополитическими соображениями, П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин рисуют образ будущей Сибири. Ей «еще на много лет предстоит быть страной, добывающей и поставляющей на мировой рынок сырье. Как ни желательно широкое развитие в Сибири обрабатывающей промышленности, но, по-видимому, там еще нет налицо тех главных условий, без которых обрабатывающая промышленность не может получить широкого значения: нет крупных и предприимчивых капиталов, подготовленного рабочего класса, достаточных рынков сбыта» (с. 114). Поэтому необходимо развивать «сельское хозяйство и добывающую промышленность, обеспечив широкий приток туда населения, и не только земледельческого, но и вообще рабочего» (с. 115).

Для решения этих задач в развитие региона должны быть внесены новые экономические начала и прежде всего: «1) право собственности на землю, 2) проведение новых железных дорог и 3) разнообразие сельскохозяйственного промысла» (с. 117). Большое значение в реализации своих предложений министры отводили урбанизации, образованию городов из Камня-на-Оби, Татарки, Тайги, Боготола и «многих других поселений при станциях и пристанях» (с. 120). «В лучших сибирских районах – своевременно перейти к продаже земель переселенцам» (с. 127). Для новоселов необходимо строить церкви, школы, больницы, дороги, склады сельскохозяйственных машин и т.д.

Непосредственная реакция в Сибири на предложения П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина была негативной. Либералы обвинили правительство в нежелании осуществлять индустриализацию региона и намерении сохранить его в качестве земледельческой колонии⁴

. Общественность протестовала против массовых переселений на земли казахов-кочевников, заявляла об отсутствии в Сибири свободных земель и предвещала крах всем попыткам заселения Нарымского края и таежного Мариинского уезда⁵

. Наиболее последовательно местные либералы выступили против насаждаемого сверху института частной крестьянской собственности на землю, вступая тем самым в противоречие с основополагающим принципом либерализма. «Отвод земли крестьянам в постоянное землепользование, – утверждала «Сибирская жизнь», – с сохранением, однако, права собственности за государством, обеспечивает вполне интересы крестьян и прогресс земледельческой культуры, но в то же время сохраняет за государством право верховного распоряжения землей в интересах общества и будущих поколений»⁶

В ответ на «Записку» депутат III Государственной думы от Томской губернии, член ЦК кадетской партии, профессор Н.В. Некрасов подготовил объемную статью, в которой потребовал уничтожения в регионе «случайно сохранившихся архаических пережитков прежнего режима (до 1905 г. – *М.Ш.*)», прежде всего кабинетского землевладения. В принципе он соглашался с необходимостью распространения на Сибирь частной собственности на землю, но сразу же указал на то, что ускоренное разрушение общины, возможность скупки земли российскими помещиками могут привести к печальным результатам. Депутат замечал: «Еще большее опасение вызывает намерение правительства одним росчерком пера произвести грандиозный переворот в экономической жизни Сибири внезапным переходом к частной земельной собственности. В этом вопросе необходимо отделить принципиальную сторону – желательность изменения титула владения и самый способ осуществления такой перемены. Несомненно, что замена права пользования правом собственности чрезвычайно желательна в целях ограждения старожильческого населения», – но земля может превратиться в объект купли-продажи, а «следствием этого легко может явиться значительная мобилизация земельной собственности в Сибири по исключительно низким ценам и сосредоточение больших количеств земли в руках отдельных кулацких элементов сибирской деревни» [11, с. 32, 33]. Поэтому отстаивалась необходимость сохранения общинного землевладения в Сибири.

Ни одно из предложений высокопоставленных чиновников, сформулированных в 1910 г., не было реализовано. Отсутствие подвижек в этой области обычно объясняется начавшейся Первой мировой войной. Мне представляется, что введение частной крестьянской земельной собственности в Сибири, в том числе при менительном к наделам новоселов, встретило бы мощное противодействие крестьян, особенно на землях КИВ. За 1907–1914 гг. в Алтайский округ переселилось 734 тыс. чел., или каждый второй отправившийся в Сибирь. Но земля в округе являлась ассоциативно-частной собственностью Романовых. Поэтому за полученные в пользование наделы крестьяне должны были заплатить собственнику 330 млн руб., не считая процентов. К ним необходимо добавить еще примерно 726 тыс. руб. в год (1915), которые Кабинет зарабатывал за счет сдачи в аренду земли, как правило, отрезанной у крестьян в ходе землеустройства [12, с. 862, 875; 13, с. 270]. Едва ли Романовы безвозмездно отказались бы от всего этого, а алтайские крестьяне согласились бы выкупать свою землю, тем более переселенцы, которые уже прошли через эту грабительскую процедуру в Европейской России в

⁴ Карский И. Министры о нуждах Сибири // Сибирская жизнь. 1910. 25 нояб.

⁵ Карский И. Накануне банкротства // Сибирское слово. 1910. 14 нояб.; П.Е. Из жизни киргизов // Там же. 3 дек.

⁶ Сибирская жизнь. 1910. 18 нояб.

ходе реализации реформы 19 февраля 1861 г.!

Аграрная реформа не была поддержана снизу в Сибири, в том числе из-за стремления крестьян сохранить общину. К тому же правительство своими действиями объективно способствовало этому, поскольку в ходе землеустройства отграничивались наделы сельским обществам. В борьбе с правительственным «землерасстройством» местное крестьянство активно использовало общину и в известной степени реанимировало этот институт традиционного общества. Поэтому В.И.Пронин констатировал: «Итоговые результаты столыпинской аграрной реформы в Сибири, связанные с разверстыванием наделного землевладения на хутора и отруба, свидетельствуют о полном провале замыслов реформаторов. Не только старожилы, но и прибывающие в Сибирь переселенцы из губерний как с общинной наделной, так и подворной формой землевладения предпочитали на новом месте селиться общинами. Причина во многом кроется в том, что сложившиеся в Сибири земельные порядки в связи со свободным пользованием землей не диктовали необходимости во внутринадельном размежевании земли. Здесь лучшая пахотная земля была давно поделена между домохозяевами, она свободно передавалась от отца к сыну» [14, с. 186]. Верно, на мой взгляд, заметил по этому поводу П.Ф. Никулин: «В начале XX в. рынок не смог разрушить социально-трудовые устои крестьянского хозяйства ... Оно сохраняло свою целостность и устойчивость, поскольку сохранялась его главная опора – семейная рабочая сила и крестьянская трудовая (духовная) культура» [15, с. 244].

Крестьянство Сибири начала XX в. связывало свои надежды на достаток и благополучие с наличием в избытке пригодной для обработки земли. Крестьянская община продолжала оставаться главной опорой общественных отношений в деревне в качестве своеобразного союза (кооперации) «непосредственных производителей и хозяйственных пользователей земли» [16, с. 114]. Коллективные формы общинной жизни нашли свое воплощение в кооперативных объединениях, бурное развитие которых пришлось как раз на рассматриваемый период. Только на Алтае в 1905–1915 гг. было организовано 775 кредитных и 803 потребительских кооператива, главными инициаторами создания которых (76,3 %) выступали сами крестьяне [17, с. 67].

Таким образом, столыпинская аграрная реформа в Сибири свелась к форсированию крестьянских переселений из Европейской России и одновременному проведению землеустройства. Несмотря на предложения П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина, посетивших Западную Сибирь в 1910 г., развитие аграрной сферы региона происходило на основе сохранения государственной и кабинетской собственности на землю и укрепления общины. Быстрый рост численности сельского населения, преобразования в области землепользования старожилов, переселенцев и аборигенов сопровождалось не только увеличением масштабов сельскохозяйственного производства, развитием рыночных отношений, но и накоплением разного рода противоречий, вырвавшихся наружу в период социального катаклизма 1917–1920 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001.
2. Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Аграрный вопрос в России: сибирское измерение // Труды Ин-та крестьяноведения Южного Урала им В.П. Данилова. Оренбург, 2007. Вып. 2.
3. Разгон В.Н., Храмов А.А., Пожарская К.А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул, 2010.
4. Поездка в Сибирь и Поволжье: записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина. СПб., 1911.
5. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983.
6. Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири в период империализма. Новосибирск, 1991.
7. Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962.
8. Шиловский М.В. Переселенческая революция начала XX в. (на примере Сибири) // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.: Материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2009.
9. Храмов А.А. Села Ирбино, Веселовское и Белое Новосибирской области в начале XX в. (по материалам Сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Моя Сибирь. Вопросы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 2002.
10. Записка на Высочайшее имя П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина по поводу переселения в Сибирь // Вопросы колонизации. 1911. № 8.
11. Некрасов Н.В. Экономические проблемы сибирской жизни // Русская мысль. 1911. № 4.
12. Государственная Дума. Третий созыв. 1910–1911. СПб., 1911. Сессия IV. Ч. 2.
13. История Алтая. Барнаул, 1995. Ч. 1.
14. Пронин В.И. Землевладение и землепользование сибирских крестьян в начале XX в. в контексте аграрной политики царизма в регионе // Опыт природопользования в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск, 2001.
15. Никулин П.Ф. Взаимодействие социальных и хозяйственных культур в крестьянском хозяйстве Западной Сибири начала XX в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. 2.
16. Чирков А.А. Община и власть на Алтае (1906 – июнь 1918 гг.). Бийск, 2004.
17. Иванцова Н.Ф. Западно-сибирское крестьянство в 1917 – первой половине 1918 гг. М., 1992.

Статья поступила
в редакцию 19.01.2012 г.